

Н.А.Цветкова, Т.А.Гришанина

«Цифровая сила» в странах Латинской Америки: хэштеги и дипфейки как политические инструменты

Страны Латинской Америки входят в первую десятку государств мира, в которых использование Интернета, социальных сетей, а также новых технологий — дипфейков или синтетических СМИ — вышло на новый уровень. «Цифровая дипломатия» как средство влияния на аудиторию посредством социальных сетей оказалась востребованным инструментом во внутренней и внешней политике многих государств, включая Уругвай, Бразилию, Венесуэлу и др. Инструменты этой «дипломатии» являются частью «цифровой силы», трактуемой как способность страны оказывать влияние на технологические и политические процессы, происходящие в мире. В данной статье рассматриваются цифровые инструменты влияния — «дипломатия хэштега» и дипфейки, которые наиболее часто применяются в странах Латинской Америки в ходе тех или иных политических событий. Если с помощью «дипломатия хэштега» осуществляется быстрая мобилизация населения, то дипфейки позволяют манипулировать аудиторией посредством создания синтетического контента, ложных новостей и событий, усиливая поляризацию мнений, распространение слухов и конспирологических теорий, а также побуждая к экстремистским действиям. Высокая эффективность и дезинформирующий потенциал технологии позволяют рассматривать немногочисленные примеры деструктивного использования интернет-ресурсов как угрозу национальной безопасности. Для иллюстрации активности государственных и негосударственных акторов в социальных сетях авторы приводят пример социальной платформы *TikTok*. Методология исследования опирается на количественный сбор данных из социальных сетей, выявленных в режиме реального времени в латиноамериканском сегменте Интернета, и на их анализ. Результатом исследования стала классификация дипфейков, наиболее активно используемых в политических целях. В статье анализируются примеры как деструктивного, так и «мягкого» применения дипфейков.

Наталья Александровна Цветкова — доктор исторических наук, профессор, завкафедрой американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, <https://orcid.org/0000-0002-0156-9069>, n.tsvetkova@spbu.ru); **Татьяна Александровна Гришанина** — преподаватель БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (РФ, 190005 Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., 1, <https://orcid.org/0000-0002-3582-7345>, tatiana.grishanina@yandex.ru).

Наталья Цветкова, Татьяна Гришанина

Ключевые слова: Латинская Америка, Перу, Венесуэла, Куба, цифровая дипломатия, дезинформация, дипфейк.

DOI: 10.31857/S0044748X0024414-4

Статья поступила в редакцию 20.01.2023.

Цифровизация политики, дипломатии и экономики привела к трансформации системы международных отношений и внешней политики. «Цифровая дипломатия» как способ взаимодействия с внутренней и внешней аудиторией является ключевым инструментом продвижения национальных интересов, что неоднократно отмечалось российскими и зарубежными исследователями [1], [2], [3], [4], [5]. Способы донесения внешнеполитической информации путем программирования и создания алгоритмов, а также ложных профайлов в социальных сетях, выступлений политических лидеров, синтетического контента, т.е. сообщений, распространяемых в СМИ и социальных сетях, сгенерированных с использованием искусственного интеллекта, а также при помощи имитации аудио и видео — дипфейков, оказались сегодня основными инструментами «цифровой дипломатии», которую все чаще называют «дипломатией данных» [6], [7], [8], [9], [10]. Подобная дипломатия оказалась сутью так называемой цифровой силы (*cyber power*). Она измеряется способностью различных акторов приводить в движение общество, влиять на политику других стран при помощи цифровых технологий. На лидирующие позиции выходят многие государства, создавшие масштабный аппарат «цифровой дипломатии», осуществляющие глобальные или региональные информационные кампании, а также внедрившие ряд технологических приемов, включая пропаганду, хакерские атаки, шпионаж и многое другое (что еще несколько лет назад осуждалось дипломатами и внешнеполитическими экспертами).

В странах Латинской Америки количество пользователей Интернета и социальных сетей увеличивается очень быстро. Сегодня социальными сетями пользуются от 50% (Гватемала, Никарагуа, Венесуэла) до 90% (Чили, Уругвай, Аргентина) населения. Более того, в регионе набирает популярность китайская платформа *TikTok*. Данная социальная сеть, формально приостановившая работу в США в 2020 г. из-за федерального запрета, на латиноамериканском направлении занимает ведущее место по числу и широте охвата пользователей [11], [12]. Только за 2021—2022 гг. аудитория *TikTok* в Латинской Америке выросла почти вдвое, охватив 70% пользователей в Венесуэле, Боливии, Мексике, Перу, Бразилии и Аргентине [13],[14]. Подобное положение вещей привело к тому, что население стран региона является активным «потребителем» событий, отражаемых в социальных сетях, что позволяет различным политическим силам оказывать масштабную мобилизацию пользователей в позитивном и негативном смысле. Более того, рост пользователей привел к тому, что Латинская Америка оказалась ареной киберсоперничества США, Китая, России, Европейского союза и новым фронтиром для Индии и стран Ближнего Востока. Даже несмотря на то, что в странах Латинской Америки развитие цифровых технологий находится на разном уровне, регион оказался местом конкуренции за

влияние на население и за развитие цифровой инфраструктуры между технологическими компаниями нескольких государств. Наконец, цифровое развитие латиноамериканских стран и близость к источникам новых технологий в США создает условия для распространения таких новых инструментов влияния, как дипфейки, синтетические СМИ или «дипломатия хэштега».

В силу всего перечисленного выше целью данной статьи является выявление особенности функционирования «дипломатии хэштега» и дипфейков в социальных сетях стран Латинской Америки. Для достижения этой цели авторы проанализировали данные социальных сетей, включая *TikTok*. Анализ хэштега позволил проследить форматы мобилизации протестного движения в разных странах региона. В качестве метода исследования рисков и возможностей влияния на восприятие аудиторией сообщений, потенциально представляющих собой дезинформацию в форме дипфейков, был выбран метод дискурс-анализа медиапространства стран Латинской Америки. За время мониторинга данных в течение 2021—2023 гг. было проанализировано более 100 уникальных каналов медиапространства Бразилии, Аргентины, Уругвая, Парагвая, Чили, Перу, Эквадора, Колумбии, Боливии, Никарагуа, Венесуэлы, Гватемалы и Мексики. Дискурс-анализ позволил составить классификацию дипфейков в рамках платформы *TikTok*, выявить признаки деструктивного или конструктивного использования контента с дипфейками, рассмотреть вопрос о том, является ли политизация цифровой среды риском для потребления так называемого синтетического контента (содержания интернет-сайтов, создаваемых алгоритмами). Данный подход — классификация дипфейков по географии распространения, стратегиям и техническим характеристикам — в научном исследовании применяется впервые.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИПЛОМАТИИ ХЭШТЕГА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

«Дипломатия хэштега» подразумевает формирование информационных кампаний вокруг определенных лозунгов, проблем, обозначенных в рамках цифрового приема, известного как *hashtag*. Продвижение хэштега, раскрывающего подробности проблемы, имеет значение в период кризисов и служит инструментом для мобилизации пользователей. Данный вид дипломатии активно применялся во время «арабской весны» и московских протестов 2011 г., а в ходе президентской избирательной кампании в США 2016 г. хэштег *#podestaemails* распространил негативную информацию о Демократической партии (*Democratic Party, DP*) настолько широко, что администрация компании *Twitter* приняла решение о его удалении. Политический потенциал дипломатии хэштега привел к появлению транснационального движения кибер-диссидентов в разных регионах, включая латиноамериканские. Это — новый вызов для «цифровой дипломатии» государств, поскольку сложно предположить, как цифровая деятельность граждан может повлиять на ситуацию на международной арене в условиях кризиса, происходящего внутри той или иной страны [15], [16], [17].

Социальная и политическая активность граждан, проживающих в различных государствах Латинской Америки, неоднократно была смоделирована технологиями хэштега. Как показывают наши исследования, общественные настроения и политические предпочтения пользователей формируются при помощи особых лозунгов в постах, что позволяет вовлекать участников в политическую активность. Например, в ходе протестов в Венесуэле в январе — апреле 2019 г. многочисленные цифровые ресурсы запустили серию хэштегов для дискредитации действующего президента Николаса Мадуро (2013 — н/в) и для расширения популярности спикера парламента Хуана Гуайдо, провозгласившего себя главой государства. Оппозиционные силы задавали тон повестки, на которую реагировали проправительственные каналы. Можно выделить оценочные хэштэги: *#VenezuelaNecesita* (Венесуэла нуждается), *#VenezuelaLibre* («Свободная Венесуэла»), *#VenezuelaSeRespeta* («Венесуэла себя уважает»); побудительные: *#FueraMaduro* («Мадуро — вон»), *#VamosConTodo* («Мы идем со всеми»), *#TodaVenezuelaALaCalle* («Вся Венесуэла — на улице»).

Реакцией проправительственных каналов стали отрицательные хэштэги: *#NoMarchamosMasGuaido* («Не идем с Гуайдо»), *#PuebloConMaduro* («Народ — с Мадуро»), *#GuaidoOtraVezFracaso* («Гуайдо снова провалился»), *#CeseDe-LaUsurpación* («Прекращение узурпации»), а также *#VenezuelaPatriaSoberana* («Венесуэла — суверенная родина»), *#GolpeDeEstado* («Государственный переворот»). Благодаря развитости социальных сетей и цифровых СМИ сторонам конфликта удалось сформировать два разнонаправленных политических дискурса. Оппозиционная повестка Х.Гуайдо задавала тон, а проправительственные каналы принимали ответные меры для создания баланса в рамках цифрового дискурса. Анализ больших данных показал, что действующая власть часто переигрывала протестующих и привлекала пользователей на свою сторону. Обе стороны активно использовали технологии ботов, троллей и т.п. для работы с активной аудиторией и формировали политические предпочтения граждан.

В ходе недавних протестов, состоявшихся или продолжающихся в 2022—2023 гг. на Кубе, Гаити, в Колумбии, Боливии, Бразилии и Перу, появилась новая форма использования хэштегов. Во время протестов в Бразилии в 2022—2023 гг. происходили самые масштабные онлайн-кампании кандидатов по дезинформации и дискредитации оппонентов. Для продвижения кандидатов широко использовались различные хэштеги. Анализ показал, что лидером являлся тогдашний президент Жаир Болсонару (2019—2022), который постоянно обходил по количеству привлекаемых пользователей кандидата Партии трудящихся (*Partido dos Trabalhadores, PT*) Инасиу Лулу да Силву (2003—2011, 2023 — н/в) [18].

Наблюдение за формами и характером протестов показывает, что экономические лозунги, размещенные в сети, в странах Латинской Америки очень быстро превращаются в политические призывы, обретают сетевых лидеров и становятся так называемой хэштеговой политикой, т.е. средством мобилизации протестов при помощи особых слов, терминов или визуальных образов в социальных сетях. Например, в связи с отключением электричества в октябре 2022 г. жители Гаваны вышли на улицу, чтобы высказать недоверие президенту Мигелю Диас-Канелю (2019 — н/в). Через некоторое время социальные лозунги о

включении света (*#TurnOnLights*) превратились в политические требования с призывом *#Libertad* («Свобода»), что крайне необычно для страны, в которой Интернетом пользуется лишь 33% населения.

Однако цифровые технологии оказывают влияние на самую активную часть населения, и политические границы все меньше и меньше сдерживают доступ к получению технических средств. Так, на Кубе история становления Интернета связана с деятельностью диссидентов, которые доставляли устройства из США и создавали сеть практически с нуля. Американское правительство активно поддерживало этот процесс. Специальная Комиссия помощи свободной Кубе, созданная еще администрацией Джорджа Буша-старшего (1989—1993 гг.), ежегодно выделяла до 25 млн долл. на цифровизацию Кубы [19]. На остров поставлялись компьютеры и базовое оборудование. Позже госдепартамент США запрашивал у конгресса 80 млн долл. на дальнейшую цифровизацию и поддержку независимых цифровых СМИ [20]. Администрация Барака Обамы (2009—2017 гг.) открыто осуществляла инфраструктурные технические работы в рамках проектов по распространению доступного Интернета на Кубе. Была поставлена задача по созданию локальной социальной сети по образцу *Facebook**. За реализацию проекта отвечало Агентство международного развития США. Получив доступ к 500 тыс. мобильных номеров кубинцев, США сформировали базы данных будущих подписчиков. Позже на Кубе состоялся запуск мобильной социальной сети *ZunZuneo*. Первыми пользователями стали американцы из Агентства международного развития, начавшие распространять сообщения о музыке и футболе с целью привлечения молодежной аудитории. После создания довольно большой пользовательской базы планировалось сдвинуть повестку к более острым политическим темам и готовить аудиторию к гражданским выступлениям. Короткие сообщения по типу микроблогов распространялись посредством мобильной связи. Вскоре в сети было уже 40 тыс. подписчиков, но она стала давать сбой из-за прекращения финансирования. В 2012 г. *ZunZuneo* была свернута. Многие эксперты считают, что сбой в работе данной социальной платформы стал решающим фактором провала «кубинской весны» [21], [22].

Однако быстрое развитие удобных и дешевых платформ и технологий по созданию ложного контента может кардинально трансформировать политический ландшафт в отдельных странах.

ДИПФЕЙКИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Технологии искусственного интеллекта создают некую информационную оболочку для пользователей, которая может существенно отличаться от фактов и событий, происходящих в реальности. Это оказывает влияние на принятие политических решений, в основе которых лежит заведомо ложная информация [23], [24]. Дипфейки могут исказить данные, которые используются для прогнозирования и выработки стратегий как в реальном, так и в виртуальном мирах [25]; [26]; [27].

* С 21 марта 2022 г. официально запрещен на территории России.

Тема намеренного использования и распространения дипфейков сегодня активно обсуждается специалистами в области международных отношений, поскольку это связано с рисками и угрозами национальной безопасности. Исследование потенциала влияния синтетического контента и дипфейков на восприятие и поведение пользователей в политических целях показало, что дипфейки вызывают у пользователей когнитивные искажения, усиливают чувство неопределенности, а сомнения в подлинности контента снижают уровень доверия к информации, содержащейся в социальных сетях. Различные акторы цифровой политики обращаются к дипфейкам как к средству дезинформации и ведения информационно-психологических и когнитивных войн, в том числе аудиовизуальными средствами. Надо признать тот факт, что пока еще в социальных сетях распространены в основном «положительные» дипфейки, и только небольшая их часть создается в политических целях. Это — дезинформация, политическая сатира, целенаправленная дискредитация политика, попытка дестабилизации политической ситуации, мобилизация через социальные сети в рамках предвыборных кампаний, цифровые образы, привлекательные или отталкивающие, создающие или подтачивающие имидж страны [28], [29], [30].

Визуальные репрезентации стран, политических деятелей и их внешне-политической повестки, выраженные в дипфейках, обладают огромным потенциалом социальной мобилизации и влияния на общественное мнение. Отличить реальное от виртуального становится практически невозможно, что приводит к искажению восприятия информации и формированию ложных представлений, на основе которых пользователи затем принимают решения. Несколько резонансных случаев быстрого распространения дипфейков в целях дискредитации политиков приводили к дестабилизации обстановки и широкой общественной дискуссии. Дипфейки использовались партиями в электоральном процессе в Индии, в политическом процессе по климату в Бельгии, в дестабилизации политической обстановки в африканских странах, в ходе политической борьбы в Италии [31], [32], [33].

Эффективно использовать технологии дипфейков позволяет именно платформа *TikTok*, что привело к ее запрету на территории США [34]. Основным источником вовлечения пользователей в политическое взаимодействие в *TikTok* становится игра — мемы, короткие сатирические видео, пародии, игровая форма создания и распространения контента [35], [36]. Вовлеченность в такого рода цифровой политический дискурс порождает явление «слэктивизма» — типа активности, предполагающего легкую форму политического участия по конкретным вопросам, особенно в молодежной среде [37]. *TikTok*, в отличие от других платформ, превратился в инструмент избирательных кампаний, мобилизации населения, создания реальных и ложных аккаунтов политиков. Архитектура *TikTok* позволяет привлекать к совместному созданию контента сотни пользователей одновременно, так что эффект эхокамер усиливается, а то или иное видео воспроизводится в виде реакций, репостов, возможностей повторного использования звуковых эффектов. Широкий охват пользователей, как основная характеристика *TikTok*, увеличивает популярность платфор-

мы, а ее игровой потенциал в мягкой форме формирует структуру властных отношений.

В странах Латинской Америки социальная сеть *TikTok* работает свободно, и на законодательном уровне нет запретов на использование ее контента. Необходимо отметить, что законодательство в области дипфейков находится на стадии разработки, и лидерами в этой сфере являются США и Китай [38]; [39]. Дипфейки пока — *terra incognita* по части регулирования в странах Латинской Америки, что позволяет неограниченно применять различные элементы технологии в создании контента.

Фейковые сайты и аккаунты латиноамериканских политиков, появляющиеся, например, на платформе *TikTok*, создаются для продвижения политической повестки кандидатов и играют роль ретрансляторов или заполняют информационную нишу. Так, ложные аккаунты экс-президента Перу Педро Кастильо (2021—2022 гг.) рассчитаны в основном на молодое поколение, с их помощью продвигаются повестка «кандидата из народа», бесплатное образование для всех; эти аккаунты часто ведутся активистами в сатирическом ключе. У аккаунтов временного президента Перу Дины Болуарте (2022 — н/в) — большее количество подписчиков, подобные страницы заполняют информационное поле, содержат положительные репрезентации политика и контент, дискредитирующий оппозицию. Потенциал влияния платформы на протестное действие достаточно высок, учитывая, что в протестах в Перу активисты использовали *TikTok* для быстрого распространения видео о насилии со стороны полицейских — как в 2011—2012 гг. *Twitter* и *Facebook* использовались для смены режимов на Ближнем Востоке.

Распространение акторами специальных нарративов и образов с целью влияния на аудиторию становится все более технологичным. Развитие технологий упрощает операции в киберпространстве и позволяет совершать действия в реальном или отложенном времени. В социальных сетях латиноамериканских стран распространены политическая сатира на лидеров государств и топовых политиков, синтетические аватары телеведущих и дипинфлюэнсеров. В виде дискредитирующего дипфейка проявилась критика на речь экс-президента Бразилии Жаира Болсонару в 2019 г., короткие сатирические видеоролики продвигают определенный образ президента Колумбии Густаво Петро (2022 — н/в), ложные аккаунты, которые ведутся от имени президента Венесуэлы Николаса Мадуро, создают визуальные репрезентации с помощью дипфейков. В итоге вполне могут пострадать и имидж стран, и репутация политиков, а нагнетаемая поляризация приводит к мобилизации части населения, особенно в условиях политической нестабильности.

Анализ показывает, что у большинства тех цифровых каналов, где использовались дипфейки, — узкая тематическая направленность и небольшое число подписчиков, но при этом значительное количество просмотров. В результате анализа латиноамериканского сегмента социальной сети *TikTok* была разработана классификация дипфейков (см. таблицу ниже).

**КЛАССИФИКАЦИЯ ДИПФЕЙКОВ НА ПЛАТФОРМЕ ТИКТОК
В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ (2021—2023 гг.)**

География распространения	Высокий уровень распространения: Мексика, Бразилия, Колумбия
	Средний уровень распространения: Аргентина, Чили, Парагвай, Уругвай, Гватемала, Эквадор, Боливия, Перу, Сальвадор
	Низкий уровень распространения: Венесуэла, Никарагуа, Куба
Стратегия влияния	Цифровизация публичной дипломатии Социальноориентированные дипфейки являются примером использования технологии для «мягкого» влияния: привлечения внимания к экологическим проблемам, к проблемам домашнего насилия и т. д.
	Культурная «цифровая дипломатия» Продвижение культуры и ценностей (один из американских каналов, использующий технологию липсинка, продвигает проект <i>Singing Statues</i>)
	Персональный брэнд дипфейк-инфлюэнсеров Каналы дипфейк-инфлюэнсеров представляют собой популярные «мета-хьюман» (<i>meta human</i>) аккаунты, используемые в коммерческих целях для продвижения продуктов на рынке, имеют много подписчиков и просмотров. В исследуемом сегменте такие аккаунты иногда маркируются хэштэгом <i>#FakeLatinaInfluencers</i>
Технические характеристики	Информационно-психологическое воздействие Деструктивные дипфейки, представляющие собой дезинформацию и направленные на дискредитацию политиков, были обнаружены в специально созданных каналах, специализирующихся на деконструкции образов конкретных политических деятелей (Н.Мадуро, Ж.Болсонару)
	Частичное Наложение интегрированных инструментов, фильтры, липсинк — имитация движения губ в ритме текста или музыкального сопровождения, моделируемая с помощью компьютерных нейросетей
	Полное «Фейс свопы» — считывание нейросетями черт лица и наложение поверх изображения искусственно синтезированных лиц таким образом, что первоначальный образ может быть изменен до неузнаваемости. Имитация голоса

Необходимо отметить, что дипфейки, используемые в странах Латинской Америки, обладают набором профессиональных характеристик, что свидетельствует о высоком технологическом развитии данной сферы.

Дипфейки способны активизировать протестные движения в большей степени, чем это делает «дипломатия хэштега».

Одним из положительных факторов развития технологий является появление новых методов общения с виртуальным миром и в виртуальном социуме. Например, США потратили почти 50 млн долл. на оборудование для цифровой криминалистики в Перу — формирования цифровой доказательной базы [40]. В Бразилии Соединенные Штаты оказывают техническую поддержку по развитию информационно-телекоммуникационных сетей в финансовой сфере и области сельского хозяйства. В Боливии американское агентство выделяет средства на поддержку коренных народов в рамках проекта «Запуск женских инициатив в сообществах коренных народов» (*Launching a Women Led Indigenous Community Enterprise*), что отразилось также и в «цифровой дипломатии» — создании цифровых репрезентаций о коренных народах Боливии и наделении их «цифровой властью» и видимостью (*digital empowerment*) [41]. Есть примеры позитивного использования дипфейков. В частности, каналы коренных народов — боливийский канал *Voces Digitales Indigenas* — применяет данную технологию для привлечения молодежи. Кроме того, в *TikTok* Мексики был обнаружен проект цифровой культурной дипломатии — *Singing Statues*, продвигаемый местными активистами. Короткие видео представляли собой измененные с помощью технологии липсинка статуи, которые «пеют» под музыку, что создавало эффект вовлечения пользователя, *wow*-эффект и добавляло привлекательности и динамичности образам.

В заключение отметим, что научных работ о дипфейках как инструменте внешней политики пока довольно мало. В литературе рассматриваются технические аспекты информационной безопасности, изучается коммерческое использование технологии, исследуется общий феномен дезинформации в контексте информационно-психологических и когнитивных войн. Дипфейки, представленные в латиноамериканском сегменте социальной сети *TikTok*, весьма широко распространены, аккумулированы в специализированных каналах, попадают в новостные ленты и способны оказывать определенное влияние.

На основе набора собранных и проанализированных данных была разработана классификация дипфейков. Чаще всего дипфейки служат для привлекательных целей, ряд дипфейков используется для «мягкого» влияния. Хотя случаи дезинформации были выявлены, на сегодняшний день в указанном сегменте она не является преобладающим назначением дипфейков. Тем не менее по достижении критической массы может произойти качественный сдвиг в применении технологии. Предпосылки для этого существуют в виде каналов с контентом, направленным на дискредитацию образцов политических деятелей. Более того, наличие огромного числа пользователей социальными сетями в странах Латинской Америки влечет за собой активизацию использования дипфейков.

Основной риск злонамеренного применения технологии заключается в ее высокой эффективности, поскольку существуют примеры, когда дестабилизация политической обстановки происходила с привлечением относительно небольших ресурсов. В качестве еще одного из рисков использова-

ния технологии рассматривается усиление ее коммерциализации. Конечно, качество дипфейков, созданных с помощью бесплатных пробных инструментов, будет низким или средним, однако даже дипфейки низкого качества способны влиять на аудитории. При этом поиск и распознавание деструктивного контента для сдерживания его распространения требует все более дорогостоящей экспертизы и серьезных навыков. Другим риском можно назвать искажение представлений о реальности, которое формируют дипфейки, что подрывает доверие к информации, содержащейся в социальных сетях. Как «мягкое», так и деструктивное использование технологии оказывает влияние на поляризацию мнений и политических предпочтений аудитории. Данное явление требует более подробного количественного исследования с применением специализированных инструментов обработки данных. Наконец, все перечисленные особенности дипфейков могут быть использованы для осуществления политических и внешнеполитических целей, что позволяет рассматривать даже немногочисленные примеры применения дипфейков в качестве информационно-психологической угрозы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Kheifets V., Tsvetkova N., Sytnik A., Tsvetkov I. Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: the Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics. *Cogent Social Sciences*. London, 2019, vol. 5, N 1, pp. 1–15.
2. Rivera C., Alister C., Wittig F. Tecnopolítica Mapuche: rasgos y tipos de activismo digital. *Izquierdas*, Santiago, 2022, vol. 51, pp. 1–21.
3. Сытник А.Н., Цветкова Н.А., Цветков И.А. Цифровая дипломатия США в зеркале больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018–2019 гг. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Волгоград, 2022, т. 27, № 2, сс. 192–203. [Sytnik A.N., Tsvetkova N.A., Tsvetkov I.A. Cifrovaja diplomatija SShA v zerkale bol'shih dannyh: uroki venesujel'skogo krizisa 2018–2019 gg. [U.S. Digital Diplomacy and Big Data: Lessons from the Political Crisis in Venezuela, 2018–2019]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Volgograd, 2022, vol. 27, N 2, pp. 192–203 (In Russ.).
4. Смаль С.В. Государственная политика цифровизации в странах Латинской Америки. Опыт применения многомерных интегральных индексов на примере Бразилии. *Латинская Америка*, М., 2021, № 4, сс. 40–55. [Smal S. Gosudarstvennaja politika cifrovizacii v stranah Latinskoj Ameriki. Opyt primeneniya mnogomernyh integral'nyh indeksov na primere Brazilii. [State policy of digitalization in Latin America. Experience of using multidimensional integral indices on the example of Brazil]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2021, N 4, pp. 40–55 (In Russ.).
5. Неверов К.А. Интероперабельность как рекурсивный процесс: цифровая платформа Уругвая. *Латинская Америка*, М., 2021, № 4, сс. 56–68. [Neverov K. Interoperabel'nost' kak rekursivnyj process: cifrovaja platforma Urugvaj. [Interoperability as a Recursive Process: Uruguay's Interoperability Platform]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2021, N 4, pp. 56–68 (In Russ.).
6. Mortier R., Haddadi H., Henderson T., McAuley D., Crowcroft J. Human-Data Interaction: The Human Face of the Data-Driven Society. *ArXiv*, 2014. Available at: <https://arxiv.org/abs/1412.6159> (accessed: 03.11.2022).
7. Tsvetkova N. Soft Power and Public Diplomacy. *Russia and the World: Understanding International Relations*, ed. by N.A. Tsvetkova. Latham, Lexington Books, 2017, pp. 231–252.

8. Bjola C., Manor I. The Rise of Hybrid Diplomacy: from Digital Adaptation to Digital Adoption. *International Affairs*. Moscow, 2022, vol. 98, N 2, pp. 471–491.
9. Agwar A. Deepfake: A High Stakes of Deception. *Medium*, July 22, 2020. Available at: <https://medium.com/hmif-itb/deepfake-a-high-stakes-of-deception-f90daf289491> (accessed: 04.11.2022).
10. López J. Tragic Realism: How to regulate Deepfakes in Colombia? *Latin American Law Review*, Bogotá, 2022, N8, pp. 125–145.
11. TikTok in Latin America. Statistics & Facts. *Statista*. Available at: <https://www-statista.com/topics/9670/tiktok-in-latin-america/#dossierKeyfigures> (accessed: 03.08.2022).
12. Number of TikTok users in Latin America from 2019 to 2025. *Statista*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1301718/users-tiktok-latin-america/> (accessed: 03.07.2022).
13. Number of TikTok users in Latin America from 2019 to 2025. July 15, 2022. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1301718/users-tiktok-latin-america/> (accessed: 03.08.2022).
14. Digital Development Dashboard. The *International Telecommunication Union*. Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Dashboards/Pages/Digital-Development.aspx> (accessed: 03.08.2022).
15. Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США в 2009-2020 гг. в свете развития инновационных технологий. *Манускрипт*, М., 2021, том 14, № 4, сс. 682–688 [Grishanina T. Cifrovaja diplomatija SShA v 2009-2020 gg. v svete razvitija innovacionnyh tehnologij. [The US Digital Diplomacy in 2009-2020 through the Lens of Evolving Innovative Technologies]. *Manuscript*, Moscow, 2021, vol 14, N 4, pp. 682–688. (In Russ.).
16. Tsvetkova N., Rushchin D., Shiryayev B., Yarygin G., Tsvetkov I. Sprawling in Cyberspace: Barack Obama's Legacy in Public Diplomacy and Strategic Communication. *Journal of Political Marketing*. 2020, N1. Available at: <https://www.tandfon-line.com/doi/full/10.1080/15377857.2020.1724425> (accessed: 14.12.2022).
17. Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. М., 2020, т. 4, сс. 27–44. [Tsvetkova, N.A., Kuznetsov, N.M. [Fenomen diplomatii bolshikh dannyh v mirovoj politike. [Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhduнародnye otnosheniya*. Moscow, 2020, vol. 4, pp. 27–44 (In Russ.).
18. Carvalho de F. F. The Social Media Popularity of Pre-Candidates for the 2022 Brazil Elections. *Brazilian Journal of Experimental Design, Data Analysis and Inferential Statistics*, 2022, vol. 1, pp. 1–10.
19. Commission for Assistance to a Free Cuba. Implementation Highlights. May 20, 2005. *U.S. Department of State*. Available at: <https://2001-2009.state.gov/p/wha/rls/46699.htm> (accessed 15.01.2022).
20. Congressional Budget Justification for Foreign Operations Fiscal Year 2007. *U.S. Department of State*. Available at: <https://2001-2009.state.gov/p/wha/rls/46699.htm> (accessed 15.01.2022).
21. Congressional Budget Justification for Foreign Operations Fiscal Year 2009. *U.S. Department of State*. Available at: <https://2001-2009.state.gov/p/wha/rls/46699.htm> (accessed 15.01.2022).
22. Meyer R. The Fall of the Internet Freedom Meet the Company that Secretly Built Cuban Twitter. *The Atlantic*. April 4, 2014. Available at: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/04/the-fall-of-internet-freedom-meet-the-company-that-secretly-built-cuban-twitter/360168/> (accessed: 20.06.2022).
23. Fick N., et al. Confronting Reality in Cyberspace: Foreign Policy for a Fragmented Internet. Council on Foreign Relations. *Independent Task Force Report*, 2022, N 80, July 7. Available at: https://www.cfr.org/report/confronting-reality-in-cyberspace/download/pdf/2022-07/CFR_TFR80_Cyberspace_Full_SinglePages_06212022_Final.pdf. (accessed 08.09.2022).
24. Carter A., Manley L. Tech Factsheets for Policymakers: Deepfakes. *Technology and Public Purpose Project. Belfer Center for Science and International Affairs*, 2020. Available at: <https://www.belfercenter.org/publication/technology-factsheet-deepfakes> (accessed: 08.07.2022).

25. Jeffs V. Artificial Intelligence and Improving Customer Experience. *Pegasystems*. 2018. Available at: <https://www1.pega.com/system/les/resources/2018-08/AI-Improving-Customer-Experience.pdf> (accessed: 08.11.2022).
26. Leetaru K. The Real Danger Today is Shallow Fakes and Selective Editing Not Deep-fakes. *Forbes*. August 26, 2019. Available at: <https://www.forbes.com/sites/kalevleetaru/2019/08/26/the-real-danger-today-is-shallow-fakes-and-selective-editing-not-deep-fakes/?sh=677d87794ea0> (accessed: 08.06.2022).
27. Li Y., Yang X. Y., Wu B., Lyu, S. Hiding Faces in Plain Sight: Disrupting A.I Face Synthesis with Adversarial Perturbations. *IEEE*, 2019. Available: <https://arxiv.org/pdf/1906.09288.pdf> (accessed 01.03.2022).
28. Vaccari C. Chadwick, A. Deepfakes and Disinformation: Exploring the Impact of Synthetic Political Video on Deception, Uncertainty, and Trust in News. *Social Media + Society*, January–March 2020, pp. 1–13.
29. McGarry A., Erhart I., Eslen-Ziya H. Jenzen O., Korkut U. Introduction: The Aesthetics of Global Protest: Visual Culture and Communication. *The Aesthetics of Global Protest: Visual Culture and Communication*, edited by Aidan McGarry, Itir Erhart, Hande Eslen-Ziya, Olu Jenzen and Umut Korkut, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019, pp. 15–36.
30. Flynn D.J., Nyhan B., Reifler J. The Nature and Origins of Misperceptions: Understanding False and Unsupported Beliefs About Politics. *Advances in Political Psychology*. University of California, 2017, N 38, pp. 127–150.
31. Иванов В.Г., Игнатовский Я.Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. М., 2020, т.7, № 4, сс. 379–386. [Ivanov V.G., Ignatovskiy Y.R. Deepfakes: perspektivy primeneniya v politike i ugrozy dlja lichnosti i nacional'noj bezopasnosti. [Deepfakes: Prospects for Political Use and Threats to the Individual and National Security]. *RUDN Journal of Public Administration*. Moscow, 2020, Vol. 7, N4, pp. 379–386. (In Russ.).
32. Burchard H., von der. Belgian Socialist Party Circulates 'Deep Fake' Donald Trump Video. *Politico*. May 21, 2018. Available at: <https://www.politico.eu/article/spa-donald-trump-belgium-paris-climate-agreement-belgian-socialist-party-circulates-deep-fake-trump-video/> (accessed: 09.10.2022).
33. В Индии дипфейк использовали для «позитивной» избирательной кампании. *Хабр*. 19 февраля 2020 г. [V Indii dipfejk ispol'zovali dlja «pozitivnoj» izbiratel'noj kampanii. [India uses deepfake for 'positive' election campaign]. *Habr*. 19.02.2020. Available at: <https://habr.com/ru/news/t/489006/> (accessed 21.09.2022). (In Russ.).
34. TikTok: Technology Overview and Issues. *Congressional Research Service*. 2020. Available: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46543> (accessed 01.10.2022).
35. Nguyen T., Nguyen Q., Nguyen C., Nguyen D., Nguyen D.T., Nahavandi S. Deep Learning for Deepfakes Creation and Detection: A Survey. *IEEE*, 2021. Available at <https://arxiv.org/pdf/1909.11573.pdf> (accessed 21.07.2022).
36. Wiggers K. Deepfakes and Deep Media: A New Security Battleground. A.I and Security. *VB Special Issue*. 2020. Available at: <https://venturebeat.com/2020/02/11/deepfake-media-and-detection-methods/> (accessed 18.11.2021).
37. Vijay D., Gekker A. Playing Politics: How Sabarimala Played Out on TikTok. *American Behavioral Scientist*. 2021, vol. 65, N 5, pp. 712–734.
38. Davis R., Wiggins C., Donovan J. Deepfakes. Technology and Public Purpose Project. *Belfer Center for Science and International Affairs*. 2020. Available at: <https://www.belfer-center.org/sites/default/files/2020-10/tappfactsheets/Deepfakes.pdf>. (accessed 18.11.2022).
39. Deep Synthesis Provisions. Stanford University. Available at: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-cybersecurity-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-june-1-2017/>. (accessed 31.12.2022).

40. Foreign Assistance. USAID. Available at: <https://www.foreignassistance.gov> (accessed: 15.08.2022).

41. Polanco N., et al. Tik Tok and the possible perseverance of Cultural Imperialism. *Global Media Journal*. 2022, vol. 20, N52. Available: <https://www.globalmediajournal.com/open-access/tik-tok-and-the-possible-perseverance-of-cultural-imperialism.php?aid=91599> (accessed: 11.09.2022).

Natalia A. Tsvetkova (n.tsvetkova@spbu.ru)

Dr. Sci. in History, Professor, Head of American Studies Department, Saint-Petersburg State University

Smolny st. 1/3, 191124 St. Petersburg, Russian Federation

Tatiana A. Grishanina (tatiana.grishanina@yandex.ru)

Lecturer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Baltic State Technical University "Voenmeh"

1st Krasnoarmeyskaya, 1190005 St. Petersburg, Russian Federation

Digital Power in Latin America: Hashtags and deepfakes as political tools

Abstract. Latin American countries are among the top ten countries in the world where the Internet, social networks, and new technologies including deepfakes, synthetic media, etc. have gained popularity among various stakeholders. Digital diplomacy being a channel to make influence on target audience through social media has turned out to be a driver in domestic and foreign policies of the countries, including Uruguay, Brazil, Venezuela, etc. The digital diplomacy is the cohesive element of the *cyber power* interpreted here as the ability of a country to influence on technological and political processes in the world. The article discusses digital instruments of influence, notably *hashtag diplomacy* and *deepfakes*. They are most often applied in Latin American countries in political events. While the hashtag diplomacy steers a rapid mobilization of citizens, deepfakes make the audience be manipulated through the creating of synthetic content (generated by algorithms or artificial intelligence) of the media, false news and events that contributes to the polarization of opinions, the spreading of rumors and conspiracy theories, and extremist actions as well. The high efficiency and deceptive potential of the technology make it possible to consider it as a national threat. In order to illustrate the activity of state and non-state actors in social networks, the authors used the case of the TikTok social platform. The research methodology is based on data retrieved from the Latin American segment of the Internet, and on the subsequent qualitative analysis. The study has made a classification of deepfakes that are most actively used for political purposes in the Latin American region. The article analyzes examples of both destructive and "soft" use of deepfakes.

Key words: Latin America, Peru, Venezuela, Cuba, digital diplomacy, disinformation, deepfake.

DOI: 10.31857/S0044748X0024414-4

Received 20.01.2023.